

СТРАШИЩЕ

РАССКАЗ

Мария ПРИЗНЯКОВАг. п. Фёдоровское,
Ленинградская область

— ...**М**-мышь, это что было? Голос брата прозвучал сердито, и я опешила. Около трёх часов дня, полупустая электричка. Еду домой. И тут он звонит.

Молчу. Что я сделала-то? Всегда, когда Леший вот так говорит со мной, мне становится страшно и заведомо стыдно, будто я провинилась.

— А! — до меня доходит: видимо, получил сообщение о зачислении денег. — Так меня Нина попросила скинуть. В долг.

— А-а-а, н-ну ладно, — голос Лешего помягчел. — Я не знал. Спасибо. Что, как дела?

— Да хорошо, домой еду. Как ты себя чувствуешь?

— Н-нормально, по-старому.

«По-старому» — это значит «не очень»: голова болит постоянно, температура высоченная. С койки вставать нельзя.

Вчера у него был день рождения. Не очень радостно встречать свои сорок четыре года в палате интенсивной терапии. Но он держался, даже шутил, разговаривая со мной по телефону, а рядом, разместившись на койке и табуретках, пили сок его жена Нина и их дети-школьники Славик и Катя — светленькие и смешливые, как мама, и такие же любители читать, как папа.

А сегодня, сейчас, он там один, похоже.

— Понятно... Мы завтра приедем к тебе, с мамой и Олей. Ещё раз день рождения отпразднуешь.

— Хорошо, давайте. До завтра тогда, М-мышульда.

— До завтра, Леший!

Убираю телефон в карман и вижу Лешего в палате в тот день, когда мы в первый раз приехали к нему. Лежит на спине, повернув голову вправо и свесив её почти до матраса: видимо, так меньше болит. Я подхожу, наклоняюсь. Он замечает меня, поднимает взгляд: «П-привет, с-сестрёнка». Целую его в левую скулу, и мои губы чувствуют, как пылает от жара его сухая кожа. «Привет, Лёшище-страшище».

«Лёшищем-страшищем» я зову его с детства.

Лешим — потому что Лёша, а стра́шищем... Ну, наверное, потому, что боялась его всегда сильнее, чем другого брата, Серого, или папу, или кого-либо и чего-либо вообще. Строгий, резкий, грубоватый, он возвышался надо мной, маленькой, и ругал за неподметённые полы. И за что-нибудь ещё наверняка, но полы больше всего запомнились. После одной такой взбучки я всегда хватала веник за час до его прихода и подметала всю квартиру, чтобы, не дай бог, снова не нарваться. Хотя он ни разу и пальцем меня не тронул, я боялась его до дрожи. Словно тучи сгущались надо мной, когда он был рядом. И в этих тучах погромыхивало, когда он говорил.

Да, видимо, поэтому так и звала. Ведь внешне Леший был красив, особенно когда не забывал брить смолистую бороду и постригать такие же волосы. Вместе, борода и волосы, частично скрывавшие коричневое от загара, цвета нутрянки пряника лицо, делали его похожим на истинного сына гор — или на абрека, как мы его называли, не зная об уничижительном значении этого слова. В молодости, пока не оброс, Леший сильно смахивал на Влада Сташевского, а к сорока четырёх стал походить на Киану Ривза.

И вот странно, бояться я его боялась, но как-то назвала Стра́шищем — и ничего. Так и зову. А он — ничего. Ему же можно меня Мышью называть и прочими производными — и ничего.

Вообще, в детстве я бы ни за что не подумала, что позже, лет в тринадцать, буду с нетерпением ждать выходных и каникул, чтобы приехать к Лешему и Нине погостить. Когда родился Славик и брат с семьёй поселился у нас, мы с Ниной подружались. Она готовила, а я читала ей «Гарри Поттера». Она стирала, а я читала ей «Котов-воителей». Через пару лет мы с ней засиживались до утра, играя в «Тыщу», гадая, болтая. Мы даже начали писать мистический роман про духов и привидения. И Леший всё это поддерживал. Даже роман: читал первые черновики, написанные от руки в тонких тетрадах в клетку, и хвалил. Его «А хорошо, захватывающе!» согревало и радовало: Леший был искушённым читателем. У меня на шкафу

висит листочек с его фразой, сказанной в редкий период нечтения: «Книги — лишние мысли. Лишние мысли — лишняя боль».

Интересно, а больно ли ему было, когда мы танцевали на свадьбе Серого? Мне ужасно хотелось, чтобы меня пригласили на танец, но я дико стеснялась, да и ровесников не было. И вот Леший пригласил. И сказал мне поставить мои ступни в полуботинках на его. И мы стали танцевать! Он, высоченный «Сташевский» в костюме, со слухом и чувством ритма, как у медведя, — и я, мелкая школьница, смущающийся подросток в джинсах.

Помню, как он позвонил мне однажды ночью годы спустя, когда я была в гостях у наших троюродных сестёр.

— М-мышь, у тебя совесть есть? Ты почему мою Нину бросила? Не приезжаешь совсем. «Подруга» называется! А она скучает по тебе, жалуется мне. Ей здесь совсем не с кем общаться!

— Ну... — я замялась, не зная, как сказать, что теперь у меня другие интересы и приезжать к ним уже не с руки. Что я, проще говоря, выросла.

— Что «ну»? Я разочарован. Не знал, что ты такая. Взяла и бросила подругу. Плохо, сестра. Нельзя так.

И отключился. А мне стало стыдно. И расхотелось спать.

А однажды, ещё через несколько лет, я так обиделась на него, похмельного, так разозлилась, с такой силой сдавила руками рюмки из-под водки, оставленные им с ночи на столе, что они разбились в моих руках. Испуганный Славик побежал за метлой и совком, шокированный Леший сел в постели в одном исподнем, а я, разгорячённая, стряхнув осколки с ладоней в ведро (и как только не поранилась!), умчалась на веранду — остывать, реветь и простывать: начинался октябрь. Ягоды рябины стучали в окно, наливаясь оранжевым соком раннего заката.

Помню, как мне нравилось рисовать закат на море и лунную дорожку, переливающуюся серебром на морских волнах. Свои «картинки» я дарила Лешему. Почему-то всегда именно Лешему — и он дорожил ими как величайшим

сокровищем, вешая на стену или ставя в шкаф. «Это мне Маша нарисовала, — хвастался он. — Вот как меня Маша любит».

Нет теперь этих картинок. Сгорели в пожаре. И Леший сгорает от головной боли и вызванной глубокой аневризмой лихорадки.

А я вижу этой ночью во сне распростёртого на полу, едва живого черноволосого мужчину в круге свечей — и светловолосую женщину, пытающуюся оживить его своей любовью. Мне кажется, это какой-то фильм, и когда актёры встают, мужчина уходит в пустоту, но, прежде чем пропасть, оборачивается и смотрит на меня. И я вижу Киану Ривза с его чёрными длинными волосами до плеч и чёрной же бородой. Или Лешего, так похожего на Киану Ривза?

В ту же секунду просыпаюсь от звонка и боюсь снять трубку, видя, что звонит Нина. Она решает позвонить мне, а не моей маме, чтобы та от меня узнала, что Лешему ночью стало плохо и теперь он в реанимации. Я вспоминаю, что в моём сне промелькнули двое свет-

леньких детей, мальчик и девочка, и думаю о Славике и Кате.

Киану в моём сне ушёл быстро. Чары женщины не сработали. Леший тоже уходит быстро: сначала — в кому, из неё — дальше.

И я понимаю, что вчера мы с ним говорили в последний раз и снова не о том. «До завтра тогда, М-мышульда!» — «До завтра, Леший!»

Мария Равильевна ПРИЗНЯКОВА —

журналист. Автор документальной книги.

Пишет стихи, прозу. Публиковалась в журналах «Гостиный Дворъ», «Краснодар литературный», в альманахах, сборниках.

Финалист секции «Проза» Всероссийского семинара-совещания молодых писателей

«Мы выросли в России» (2023, 2024),

молодёжного литературно-музыкального фестиваля «Павловская звезда — 2025»,

X Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов им. Л. Ю. Севера «Берега дружбы» (2025).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2025)

в номинации «Проза».

